

Любил методу он из чувСтва	Л.....СТ..
И человека растянуть	
Он позволял не как-нибудь,	
Но в СТрогих правиЛах искусСтва	..СТ...Л...СТ..
По всем преданьям СТАриныСТ....

Строфу IV, где впервые говорится о бездушном пособнике дуэльной трагедии, приведем полностью:

Вперед, вперед, моя иСТорья!СТ...
Лицо нас новое зовет.	
В пяти верСТАх от Красногорья,СТ.....
Деревни Ленского, живет	
И здравСТВует еще доньеСТ.....
В фиЛоСофической пуСТыне	..Л..С.....СТ..
Зарецкий, некогда буян,	
Картежной шайки атаман,	
Глава повес, трибун трактирный,	
Теперь же добрый и проСтойСТ..
Отец семейСтва хоЛоСтой,СТ...Л.СТ.
Надежный друг, помещик мирный	
И даже чеСТный чеЛовек:СТ...Л.....
Так исправляется наш век!	

Буква “Л” выделена здесь сознательно, так как имя героя содержит эту гласную, а имя его:

“Не надо называть, узнаешь по портрету:

Ночной разбойник, дуэлист...” (“Горе от ума”).

Фигуру, нарисованную Пушкиным, тоже легко узнавали “по портрету”. Трактирный трибун, дуэлист, картежник, а ныне “...ПРОСТОЙ / ОТЕЦ СЕМЕЙСТВА ХОЛОСТОЙ...” (в семье две дочки от жены цыганки, с которой не обвенчан) – пресловутый Федор Толстой-Американец. В пушкинистике давно замечено, что именно он стал прототипом Зарецкого. Но это мнение часто высказывается в форме осторожного допущения или же с оговорками, аннулирующими его смысл. Так, в комментариях Н.Л. Бродского после характеристик Ф.И. Толстого, говорящих о сходстве последнего с Зарецким, *утверждается*: “Искать в Зарецком портретного сходства с Ф.И. Толстым бесполезно...” [12].

История взаимоотношений Пушкина с графом Толстым-Американцем известна. В 1819 г. они встречались в салоне (“на чердаке”) князя Шаховского. О подлой и оскорбительной клевете Толстого в адрес Пушкина поэт узнал в Кишиневе и дважды заклеил его “картежным воров” в ходившей по рукам эпиграмме: “В жизни мрачной и презренной...” и в нескольких стихах послания “Чаадаеву”. Федор Толстой, писавший слово “еще” с 4-мя ошибками, сочинил хлесткую ответную эпиграмму:

Сатиры нравственной язвительное жало

С пасквильной клеветой не сходствует ни мало, –

В восторге подлых чувств ты, Чушкин, не забыл!

Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.

Примером ты рази, а не стихом пороки

И вспомни, милый друг, что у тебя есть щёки

(см. [13]).

Лев Сергеевич поторопился уведомить брата об эпиграмме и, видимо, советовал ответить на нее. Так или иначе, 23 апреля 1825 г. Пушкин писал брату: “...скажу тебе, что пощечины повторять не нужно – Толстой явится у меня во всем блеске в 4-ой песне ОНЕГ(ИНА), если его пасквиль этого стоит, и посему попроси эту эпиграмму... от Вяземского (непременно)” [7, т. XIII, с. 163]. В это время Пушкин работал над главой 4 “Онегина” и, надо полагать, не случайно в ее XVIII–XIX строфах появились восклицания: “Уж эти мне друзья, друзья!” и горькие слова по поводу сплетников-друзей, для которых “...нет презренной клеветы, / На чердаке вралем рожденной / И светской чернью одобренной, / Что нет нелепицы такой, / Ни эпиграммы площадной, / Которой бы ваш друг с улыбкой, (<...> Не повторил сто крат ошибкой...” [7, т. VI, с. 81]. Заметим, что вместо стиха: “На чердаке вралем рожденной”, вначале было: “Картежной сволочью рожденной” [7, т. VI, с. 352]. Пушкин заменил моральную